П.А. Сорокин

ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ?*

DOI: <https://doi.org/10.31119/hrtg.2019.1.5>

Может ли Смольный удержаться у власти?**

«Наследие»
№ 1 (14) (2019)

Что же дальше? «Что день грядущий нам готовит?» Что ждет Россию? В чем наше спасение и какой политической линии должны мы держаться?

Вопросы эти болезненно остры и нелегко на них ответить. Нелегко потому, что трудно строить прогнозы в такой момент, когда события летят с быстротой молнии, нелегко указать и должную линию политического поведения, ибо политические страсти, взвинченные до максимума, мешают объективно взвешивать и видеть основные русла, пролагаемые ходом событий.

Первый вопрос, который встает при решении указанных выше вопросов, это вопрос о власти. Кто может и должен быть такой властью?

Сейчас мы имеем диктатуру большевиков с их прихвостнями – левыми эсерами. Спрашивается, удержится ли эта власть? Если удержится, то как к ней следует относиться? Если нет, то кто придет ей на смену?

Я лично убежден, что падение тирании большевизма неизбежно. Оно неизбежно даже в том случае, если «курс на мировую революцию» оправдается и, если Смольному удастся подавить все антибольшевистские – национальные, окраинные и другие – «центробежные» стремления. Падение диктатуры Смольного неизбежно потому, что нет социальных предпосылок, необходимых для её существования.

Смольный называет себя правительством рабочего класса. Но не он ли этот рабочий класс разрушает? Смольный ввел восьмичасовой рабочий день, но какая цена этому «завоеванию», когда он им же выброшен на улицу. Смольный ввел контроль рабочих над производством и вводит «социализацию» фабрик. Но к чему это привело? К уничтожению промышленности, к массовому закрытию фабрик и заводов и к выбрасыванию рабочих на улицу. Ряды и число русских рабочих изо дня в день тают, и без того немногочисленный рабочий класс уменьшается с каждым днем и грозит в будущем стать небольшой социальной группой (а следовательно, и невлиятельной) объективно и антибольшевистской по настроению – субъективно. Этот перелом настроения пролетариата уже начался и будет расти. И сейчас уже только по недоумению власть Смольного можно назвать властью пролетариата.

Вывод: в будущем пролетариат не может быть опорой власти Смольного, ибо власть эта уничтожила и уничтожает этот класс и превращает его из союзника в противника. Но, быть может, Смольный сможет опереться на трудовое крестьянство?

* Публикация подготовлена М.В. Ломоносовой при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-01168 А. «Российская социология на изломе эпох (1917–1937): от социологического анализа социальных проблем периода Русской революции 1917 года к сохранению российских исследовательских академических традиций в Европе и Америке».

** Печатается по: Воля страны. 1918, № 14 (Среда 31 января). С. 1; № 16 (Суббота 3–16 февраля). С. 1. Комментарии М.В. Ломоносовой.

Увы! Едва ли. Во-первых, выборы показали, что в лучшие для большевизма дни крестьянство в огромной своей массе голосовало не за большевиков. Теперь едва ли бы они получили и процент этих голосов. Во-вторых, Смольному волей-неволей приходится прибегать к реквизиции хлеба и к другим принудительным мерам.

Такая политика мало способна привлечь симпатии крестьянства к современным диктаторам. Газеты не раз уже сообщали о настоящих сражениях между советскими войсками и крестьянами на почве реквизиции. Предложить крестьянам в обмен на хлеб мануфактуру и другие предметы обрабатывающей промышленности Смольный не может, ибо промышленность разрушена. Для существования Смольному в дальнейшем придется выколачивать подати и налоги. Это тоже не поведет к упрочнению его положения в крестьянской массе. Наконец, своим земельным законом Смольный заложил фундамент образованию в деревне крестьянской буржуазии, которая, получив землю, очень быстро от него отхлынет. Прибавьте к этому полную финансовую, промышленную, продовольственную и транспортную разруху, созданную Смольным. Так или иначе ему придется за все это держать ответ. Красивыми словами можно успокоить народ на неделю, на несколько месяцев, но ими нельзя ни накормить, ни одеть, ни удовлетворить его надолго.

Итог сказанного тот, что крестьянство не может быть базой власти Смольного.

Остается войско. До сих пор Смольный и держался собственно силой штыков. Теперь армия демобилизуется, а вместе с демобилизацией тает и эта опора комиссародержавия. Солдаты, придя домой, очень быстро войдут в колею сельской жизни и из недавних большевиков станут антибольшевиками. Уже теперь в самой солдатской среде замечается перелом настроения: ряд частей требует перевыборов в Совет и забаллотировывает большевиков, другие части разоряют красную гвардию (например, Ярославль*) и т.д. Большевики играли на струнке мира. Теперь эта игра позорно закончена. Едва ли она сама по себе послужит укреплению обаяния Смольного. Едва ли она увеличит симпатии обманутого народа к комиссарам. Если же вдобавок немцы предпримут дальнейшую оккупацию, то возможно, что ответом на неё будет взрыв народного негодования по адресу Ленина и К°.

Но если даже этого и не будет, то опора солдатских штыков вместе с демобилизацией исчезнет. Следовательно, Смольный теряет и эту базу. Что же ещё остается? Больше нет ни одной крупной социальной группы или класса, на которые могла бы опираться диктатура Смольного.

Единственно, на что он может рассчитывать, это на кадры организуемых и оплачиваемых им красноармейцев. Такая возможность не исключена, и Смольный к этой задаче приступил. Но в этом случае вся власть Смольного превращается в чисто военную диктатуру победителя, оккупировавшего страну побежденных. С помощью такой армии преторианцев** можно продержаться некоторое время, но длительное господство невозможно.

Следовательно, раз у Смольного нет широкой социальной базы, падение его власти неминуемо.

* Антибольшевистские протестные выступления в Ярославле в нач. 1918 г., предшествовавшие Ярославскому восстанию 6–21 июля 1918 г. (в советской историографии известному как Ярославский мятеж).

** Преторианская гвардия – личные телохранители императоров Римской империи. В переносном смысле – войска, служащие опорой насильственной, основанной на грубой силе власти.

Эта неминуемость станет тем убедительнее, чем внимательнее мы учтем абсолютную и всестороннюю разруху, созданную политикой комиссаров, к этому следует прибавить огромную оппозицию, не только либеральных, но и социалистических партий, сложность и безвыходность международного положения и т.д. Учтя все это, нельзя не прийти к указанному выводу.

Коми-морт

«Наследие»
№ 1 (14) (2019)

ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ?

II

Кто наследник власти Смольного?

В первой статье я указал, что падение власти Смольного неизбежно. Теперь встают вопросы:

- 1) Следует ли радоваться этому падению?
- 2) К каким результатам может привести последнее?
- 3) Кто явится вероятным наследником власти Смольного?
- 4) Кто им должен быть?

Перехожу к первому вопросу. Отношение нашей газеты к диктатуре Смольного известно. Им определяется и общий ответ на первый из поставленных вопросов. Но тут встает целый ряд «но», заставляющий более внимательно остановиться на этом вопросе. Наша общая оценка политики большевиков известна: мы находим её гибельной и для России, и для интересов трудовых классов, и для дела революции и социализма.

Но сейчас страна и революция загнаны в такой тупик, анархия зашла столь далеко, что, насилуя себя, приходится бережно относиться к всякой хоть мало-мальски действенной власти.

Несмотря на множество отрицательных сторон власти Смольного, она все же, пусть путем крови и зверства, пытается стать властью, пытается хотя бы кое-как организовать страну и бороться с анархией. Вот и встает вопрос: а не означает ли падение власти Смольного переход к полной анархии, к полному безвластию? Не попадет ли Россия, сбросивши тиранию Смольного, из огня да в полымя? Сумеет ли кто-либо установить порядок и справиться со всеми непреодолимыми трудностями, которые неизбежно станут перед всякой властью? Наконец, не будет ли означать падение Смольного окончательную гибель свободы и революции и резкий переход к самой жестокой реакции? Поэтому не лучше ли в интересах страны и революции скрепя сердце не подрывать, а, напротив, — поддерживать власть Смольного?

Эти сомнения имеют свою почву. Больше того, мы почти убеждены, что падение власти Смольного будет сопровождаться, хотя бы временно, ростом анархии. Кто бы ни был его наследником в первое время — этот наследник будет слаб и бессилён сразу же водворить хоть какой бы то ни было порядок в стране. Укрепление и усиление новой власти не обойдется без жертв и без принуждения. Говоря кратко, я вполне

убежден в том, что момент, который будет следовать непосредственно за моментом падения комиссародержавия, явится действительно переходом России из огня да в полымя. Эта переходная полоса может быть краткой, но она может быть и длительной. Вот почему здесь нужна большая осторожность.

Что же отсюда следует? Следует то, что если бы была хоть малейшая возможность примириться с властью Смольного, и следовало бы её поддерживать. Но, увы! Этой-то возможности и нет. И нет потому, что политика Смольного абсолютно отрицательна и гибельна, как для интересов трудовой России, так и для интересов социализма. Прекрасная и заманчивая по словесным формулам, на деле эта политика архиреакционна и абсолютно дезорганизующая. Возьмите главные акты этой политики. На словах – декреты о рабочем контроле и вводится обобществление фабрик. На деле – разрушение промышленности и выкидывание десятков и сотен тысяч рабочих на улицу.

На словах: демократическая международная политика и непримиримая борьба с войной. На деле: выдача трудовой России с головой в распоряжение германского империализма, бессилие кончить войну и безграничное распространение гражданской войны. На словах: хлеб. На деле: голод. На словах: революционный порядок. На деле: щедрое сеяние анархии и безграничный рост преступности. На словах: национализация банков. На деле: разрушение кредита и взяточничество процентов. На словах: социалистический режим. На деле: тирания и деспотизм кучки «иноземцев», абсолютно не считающихся с волей народа, царство произвола, насилия, взяточничества, спекулянтства и т.д. На словах: социализация земли. На деле: потакательство аппетитам деревенских Колупаевых и Разуваевых*.

При всей умеренности требований всякий человек, дорожающий интересами трудового народа и социализма, не может приложить свою руку к этой отравляющей всё живое и ценное политике. При иной власти гибель, быть может, не неизбежна. При этой власти – она неминуема. Поэтому выбор прост и несложен.

Примириться с этой политикой – это значит приложить свою подпись к смертному приговору над Россией, её народом и революцией.

Этот выбор неизбежен, но, увы, радостного в падении большевизма также немного. Не нужно забывать, что все же в его лагере (пусть по темноте) имеется масса представителей трудового народа. Борьба с большевизмом частично все же борьба «со своими».

Далее, междоусобие демократии есть залог её гибели. Самым печальным фактом французской революции был раскол Жиронды и Горы**. Все ценное, что было сделано ею, было совершено до 2 сентября 1793 г. – момента окончательного падения Жиронды. Гора съела Жиронду, но, победив своего «друга-врага», в течение двух лет она ознаменовала себя только террором и, наконец, пала под ударом реакции.

* Колупаевы и Разуваевы – сатирические образы кулаков-мироедов, созданные М.Е. Салтыковым-Щедриным.

** Конфликт между двумя революционными партиями. Жирондистская партия, дойдя до власти, хотела прекращения революции с ее революционными приемами. Выступала за законные методы реформ. В свою очередь, Монтаньяры (Гора) хотели, чтобы революция привела к таким мерам, которые коренным образом изменили бы все состояние Франции: положение крестьян (т.е. двух третей населения) и положение бедноты в городах. Они хотели также таких перемен, которые сделали бы возвращение к монархическому прошлому невозможным.

Великий Дантон* сознавал всю гибельность разрыва, прилагал все усилия к примирению Горы и Жиронды, но усилия его были тщетны: междоусобия предотвратить ему не удалось. Обе стороны «съели» друг друга, выиграл Tertius Gaudens**.

То же произошло и происходит и у нас. Пока был «единый революционный фронт», можно было не беспокоиться за судьбы революции. Большевики почти с начала революции этот фронт прорвали. Раскол революционной демократии стал фактом. С октября большевики победили другие социалистические партии и объявили им и всей демократии беспощадную войну. Началась диктатура и террор. Российская «Жиронда» в лице эсеров и социал.-дем. – меньшевиков временно оказалась побежденной. Но что от этого выиграли большевики? И что выиграла революция? Ровно ничего. Словесно события пошли якобы по фарватеру социализма, на деле же – полным ходом направились в пристань самой черной реакции и социальных бедствий. Как ни усиливают властители террор, долго им не продержаться. Падение Смольного неизбежно. Мы стоим, увы, перед 9 термидора*** российской революции, и чем сильнее большевики преследуют демократию и социалистов, тем этот термидорианский переворот неизбежнее; чем беспощаднее они разрушают партии эсеров и меньшевиков (всех рангов), тем сильнее выигрывает реакция. Почему? Потому что, если эти социалистические партии будут слабы к моменту падения большевиков, власть пройдет мимо их рук и попадет в руки подлинных реакционеров, которые железом и кровью подавят все ростки свободы и социализма и отбросят нас снова далеко назад от тех позиций, которые были завоеваны русской революцией.

Спрашивается теперь, действительно ли мы стоим перед термидорианским переворотом? Да, отвечаю я. Он неизбежен, и от него может спасти только одно: **а именно Учредительное Собрание**. Вне последнего я спасения не вижу. Вне последнего я смело пророчествую неизбежность этого переворота. Наступит ли он через месяц, или полгода, или даже, быть может, через год, это неважно. Но важно то, что спасение страны и спасение революции я вижу только в Учредительном Собрании. Только оно может быть препятствием для диктатуры генерала или дипломата, но диктатуры реакционной. Вот почему оно ценно, вот почему все силы демократии и социализма должны объединиться под лозунгом **«Да здравствует Учредительное Собрание!»**.

Этим сказано, кто должен быть наследником власти Смольного. Другой вопрос: будет ли оно фактически этим наследником? Если да, то революция не потеряна и страна не погибла. Если нет – придет термидор, придет подобие консульства, затем император из династии ли Романовых или нет – не важно; придет, говоря кратко, реакция – свирепая, беспощадная, сопровождаемая тяжелыми бедствиями и ужасами...

Такая дилемма стоит перед Россией. Пусть каждый её осознает и, осознав, действует.

Или Учредительное Собрание, или царство реакции, вот перед чем мы стоим в данный момент.

Коми-морт

* Дантон Жорж-Жак (1759–1794) – политический деятель эпохи Великой французской революции. В 1793 г. по его инициативе был создан революционный трибунал, ставший на путь террора. В декабре 1793 г., считая, что достижения революции уже достаточно закреплены, стал высказываться за необходимость прекращения террора. 5 апреля 1794 г. Дантон со своими единомышленниками был казнен.

** Tertius Gaudens (лат.) – «Третий радующийся», т. е. человек, выигрывающий от конфликта двух сторон.

*** Термидорианский переворот – государственный переворот, произошедший 27 июля 1794 г. (9 термидора II года по республиканскому календарю) во Франции и ставший одним из ключевых событий Великой французской революции.

Газета «Воля страны»